

Катя Бушуева

Бушуева Катя (псевдоним, настоящее имя – **Болдыгина Екатерина Геннадьевна**) родилась в 1973 г. в Москве, переехала в Свердловск, училась в УрГУ, публиковалась в сборнике «Рука на плече». Участник АСУП-1. В 1997 г. уехала в Москву. Достоверно известно, что замужем и воспитывает детей. Другой информацией редакция не располагает.

Филологическая маркировка стихов К.Б.

Традиции, направления, течения: модернизм, постмодернизм, метареализм.

Основные имена влияния, переключки: Е. Касимов, М. Цветаева, антиахматовская идентификация.

Основные формальные приемы, используемые автором: паронимическая аттракция, анафора, кадрирование, зооморфная метафора, репортажная строфика и ритмика.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: разлука, материнство, поэт и поэзия, творческий процесс, мотив пути, библейские мотивы, зооморфные образы (собака, кошка и т.д.), образ раны, физическое ощущение тепла, холода, сухости и влаги, знаковые топонимы – Коктебель, Прибалтика, Иерусалим.

Творческая стратегия: эстетическое осмысление бытовых деталей, поэтизация реальности, жизнетворчество в тексте.

Кoeffициент присутствия: 0,22

В. ФЕДОРОВ о К.Б.

«...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Слова эти пронзительно точно характеризуют поэзию Кати Бушуевой. Ее героиня готова умереть, пасть к ногам любимого мужчины, приносить ему наслаждение своим телом, заранее зная, что он обманет, уйдет или полюбит другую.

Для нее любовь – как поиск постоянного повода прижаться, целовать, переживать нежность; как спасение от одиночества; она может «умереть»-раствориться в любимом мужчине, причаститься им ... Разыгранный К.Б. миф о Персефоне создает образ вечной верности, бесконечного женского терпения. Перед нами женщина-девочка, которая кокетничает с мужчиной, играет, притом что на первом месте у нее не страсть, а трогательность, девичья наивность, жалкий образ цепляния за рукав любимого. Перед нами манифестация «женской беспомощности», смысл которой исчерпывается признанием права мужчины быть женщиной. Изображая разрыв, момент расставания, К.Б. истово пытается скрыть истерику и бессилие за «бабским тряпьем», копанием в вещах, потому что уже нет ничего страшнее этого конца света, и уже нет сил его (этот завершающийся свет) оправдывать.

Желая определить себя, свою героиню, К.Б. создает контрастные образы девичьей легкости, прямой телесности, целомудренной красоты и норм семейной морали, функций жены-матери, запрета на проявление самой женственности, пола. Такая позиция по отношению к мужчине противоречит бытовому представлению о счастье и обрекает на одиночество.

Перед нами возникает непрезентабельная картина: некая оттепель (слякоть) чувств ничего не требующей женщины. И лишь острая тоска резкой болью напоминает об отсутствии мужчины. Слякоть сменяется сухим холодом одиночества, холодом в душе, и от этого холода в моменты особого напряжения исходит «пар» трогательной нежности. Мир К.Б. – мир женщины, остающейся верной и всегда ждущей любимого, который навряд ли появится. Точнее – не вернется никогда. Вопрос: а был ли вообще мальчик? Возможно в реальности ничего такого и не было, а была виртуальная экскурсия в мир женской трагедии, совершенная с одной лишь целью – никогда не повторить ее в реальности.

О К. Б. сейчас мало что известно. А ведь ее подборка была одна из лучших в АСУП-1. Осенью 2012 дважды удалось связаться с ней по телефону. Но контакт по ее воле был прерван. Неизвестно, пишет ли она еще стихи. Думается, что К.Б. таки обрела жизненную опору, распрощавшись с девичьим инфантилизмом и аннулировав комплексы реальным материнством. Кажется, что юношеское путешествие в поэзию, слава богу, закончилось в далеком 1997 г. И, возможно, отказ от рифмованного психопатического болота помог состояться простому человеческому бытию.